ОДЫН,
ДВА,
ТИИ,
ЧЕТЫЛЕ
6+
УЛЬЯНА КИРШИНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Мама и папа, я вас люблю" – услышать это мечтают все родители. Но если ребенок молчит? Совсем молчит. "Он у вас глухой или тупой?" – спрашивают "тактичные" окружающие. Можно ли примириться с этим и есть ли надежда на чудо?

- Ульяна Киршина
  - ○

Ульяна Киршина
Одын, два, тии, четыле

Я лежу в детской кроватке, хотя давно из нее выросла. Ноги, колени, локти – все упирается в бортики. Рука, на которой лежит голова старшего сына, занемела. Я читаю молитву. Двадцать шестой раз. Говорят, нужно сорок каждый день, чтобы помогло. Я согласна и пятьдесят – лишь бы услышать наконец: «Мама, я тебя люблю». Или хотя бы просто – Мама. Но глаза слипаются, язык заплетается. На часах почти два ночи, а вставать мне в пять утра – проснется младший просить свою порцию молока и внимания. «Потерпи! – уговариваю себя. – Еще немного». Слова молитвы вылетают на автомате. Я вообще многое делаю словно робот. Машина, заточенная под уход, кормление и бесконечные занятия. Никаких лишних улыбок, никаких отвлеченных хотелок.

Глажу лоб старшего сына. Откидываю его светлые волосики. Прислушиваюсь к рваному дыханию. Опять что-то плохое снится. Дую на лоб: я не знаю других способов развеять кошмары. Мои никто не прогоняет, поэтому под утро я частенько вскакиваю с криком. Мне снится будущее в коррекционной школе и испорченная жизнь сына. Мной испорченная.

Я разобрала по минутам всю его жизнь, все три года и два месяца, препарировала каждое свое движение – где же я ошиблась. Почему медкнижка моего долгожданного первенца пополняется страшными аббревиатурами: ЗПРР, МА, ММД. Я не хочу знать их расшифровки. Никаких задержек психоречевого развития, моторных алалий, минимально-мозговых дисфункций. Хочу просто обычного сына. «У мальчика явное отставание в развитии. Слышала, вы хотите перейти в группу по возрасту. Вы уверены? Он цвета-то хоть знает?» – вновь и вновь цедит в моей голове воспитатель, вышедшая на замену и видевшая сына лишь однажды. И мне не доказать ей, что в свои три года он знает, конечно, знает цвета, даже сиреневый и бордовый, животных от гепарда до тапира, все-все буквы и цифры до десяти. Просто молчит и не особо стремится общаться с окружающими.

«Он у вас немой или глухой?» – еще одна фраза, которую хочется забыть. Выскрести из себя, закупорить в Омут памяти и никогда, никогда его не открывать – словно ящик Пандоры. Но, увы, эти слова вновь и вновь скользят ядовитой змеей по каждой клеточке мозга. Обвиняют, жалят, укоряют. «А мой в два стихи рассказывал. А ваш чего молчит? Пора бы уж!» – вещает очередной папа на площадке. Почему-то мужчины всегда наглее в

своем «а мой-то». Врожденная вежливость не позволяет мне выругаться и отправить заниматься своими делами. Я только шепчу: «Пока не знаем». И ухожу, покидаю это поле боя.

– Не надо! – вскрикивает во сне сын. И я, изо всех сил борясь с дремотой, покачиваю его: «Тсссс, все хорошо, маленький». Во сне, видимо, его ведут к очередному врачу. «Не надо!» – кричит он, завидев белый халат. Это самое четкое, что мы от него слышим. Дай, не надо, скажи и папа – вот и весь его арсенал. Наиболее оптимистичные смеются, что этого вполне хватит для жизни. Во мне оптимизма – ноль, а любое загаданное желание звучит как: «Пусть он скажет: Мама, я люблю тебя». Разве много прошу?

Младший кряхтит во сне. Муж, не открывая глаз, покачивает, поглаживает его. А меня в очередной раз охватывает стыд. Я обещала не отдавать предпочтение ни одному из сыновей, но из раза в раз выбираю старшего. Начиная с родов.

Я знаю – врачи всегда в первую очередь спасают мать, но в первых родах из меня вылетало: «Если что, спасайте его, не надо меня». Со вторым мысли бились совсем другие: «Меня. Вы должны спасти меня. Меня ждут дома. Я не могу своего сына оставить одного в этом мире. Я нужна ему».

Смотрю на кроватку с младшим. И тихим-тихим шепотом:

– Малыш, тебе всего месяц. Я подарю тебе еще много любви. Только потерпи. Ты такой молодец.

Молодец и мой спаситель. Двадцать часов в сутки его не видно и не слышно. Он только и делает, что спит. Оставшиеся четыре часа я дарю ему столько тепла и молока, сколько могу. Впрочем, думая о старшем. Об очередных занятиях, логопедических методиках, которые должны вытянуть из него звуки и слова. Закрываю глаза и вижу, будто удочкой вытягиваю из его горла Аааа, Оооо, Уууууу. Но только в моем воображении. На деле – тишина.

Глажу сына по лицу, наблюдаю, как подрагивают длинные реснички. Видеть его веки мне даже приятнее, чем открытые, смотрящие куда угодно, но только не на меня, глаза. «Посмотри в мои глазки!» – уговариваю я его днем. Он кивает и смотрит… Раз, два… Отводит взгляд. Если считать очень быстро, можно досчитать до трех. Если повезет, то даже начать говорить четыре. Но это слишком длинное слово, и взгляд обрывается уже на: «Че…». Прерывистый взгляд – один из признаков аутизма. Нынче я вижу его в каждом движении, в каждой аккуратно выстроенной в ряд машинке. Не игра, как считают многие, а опасное рядкование. И голоса врачей: «Нет, это не аутизм» – звучат неубедительно. Тех же врачей, что в два с половиной на мои

переживания говорили: «Что вы хотите – мальчик, северный ребенок…». И в три: «Где же вы были раньше? Разве не видели». Извините, я вам больше не верю.

В сон я так и проваливаюсь возле старшего, скрючившись, словно младенец. С мыслями, что мне, взрослой девочке, очень нужна сейчас мама. Не за тысячи километров, а прямо здесь и прямо сейчас. У нее уже взят билет, и через месяц она будет баюкать меня в объятиях. Главное – продержаться и не сойти с ума.

Просыпаюсь. От первого же движения морщусь: тело затекло. Все-таки детская кровать не место для взрослых. Но так спокойней. Мне. Двигаюсь медленно, чтобы не разбудить старшего. Двигаюсь быстро, чтобы успеть к плачущему младшему, прежде чем его легкое хныканье перейдет в слышимый соседями рев. В очередной раз раздваиваюсь в этой необходимости угодить всем.

– Иду, иду. – Плач становится громче, но мгновенно прерывается, стоит крошечному носику учуять меня и молоко. Хотя, наверное, в его мозгу это общий запах. Молочная мама. Почти молочный поросенок, поданный семье на обед. Разбирайте на кусочки и требовательно тяните руки: «Еще. Еще».

Чтобы не уснуть, беру телефон, с вечера оставленный на тумбе. Уменьшаю яркость экрана до минимума. От этого болят глаза, зато не разбужу никого. Шесть утра. На экране мобильного высвечиваются непрочитанные сообщения. Их немного. Видео от подруги с подписью: «Учимся читать». Ее дочь старше моего всего на полгода. А что могу противопоставить я? Учимся говорить? Тру глаза с набегающими слезами от чувства собственной ущербности. Даже родить здорового ребенка не смогла. Видео не смотрю, но улыбающийся смайл с поднятым вверх пальцем отправляю. А вот следующее – не переживай, все будет хорошо, просто говори с ним больше – оставляю без ответа. Больше говори, больше читай, больше играй… «Какие у вас игрушки есть дома? – ехидно спрашивала меня невролог на последнем приеме. – Так в них же еще и играть надо!». А я и не знала. Для красоты купили. Жаль, что колкие ответы я придумываю лишь спустя несколько дней.

Младший отваливается от груди, как сытая пиявка. Теперь проспит до девяти, а то и до десяти. Но старший поднимется через час, так что спать уже нет смысла.

Сообщение от лучшей подруги открываю с опаской. Вчера, не сдержавшись, завалила ее своими страхами об испорченном будущем сына. Плакала через буквы, что нет ни сил, ни веры. И лучше бы я замолчала, а он говорил. А ее ответ малодушно

читать не стала. И вот теперь открываю.

«Мать, ты же понимаешь, что у тебя депрессия. Ты записалась к психологу, что я тебе скинула? Ты никому не поможешь, если будешь продолжать в том же духе. Волнуюсь за тебя».

К психологу я и впрямь записалась. Онлайн. Куда я пойду с двумя детьми? Но смысла в этом особого не вижу. Чем он мне поможет? Научит ребенка за меня говорить? Да и стоимость консультации – две тысячи. Это два занятия у логопеда. Или прием у хорошего невролога. Или восемь книжек с заданиями… И лишь треть от цены лекарств, прописанных сыну. Говорят, если оформить инвалидность, то будут что-то платить. Но мы вроде пока тянем. «Будем тратить сколько нужно, не волнуйся!» – говорит муж, а сам сжимает зубы, когда я озвучиваю цену недели в реабилитационном центре – почти сотня. Тысяч. К счастью, рублей. Я уже отправила запрос на точную сумму. И записалась попутно к нескольким профессорам в Питере. В нашем мини-городе на Крайнем Севере мы обошли уже всех врачей, отвергающих лечение и диагнозы друг друга. Надо двигаться дальше. Страшно, конечно, тащить с собой двухмесячного ребенка: двое суток на поезде, самолеты зимой от нас не летают – погодные условия не позволяют. Но и упускать время больше нельзя.

Бездумно листаю ленту в соцсетях. Просматриваю фото улыбок, путешествий и достижений чужих детей. Думаю, сколько в них процентов честности, а сколько притворства. Пересчитываю лайки под своим вчерашним постом: улыбающаяся я, прижавшийся старший и прячущий лицо на моей груди младший. Фальшивое: «Мы счастливы».

Поднимаюсь с кровати, смотрю в окно на медленно поднимающееся солнце. Говорят, самая темная ночь перед рассветом. Только у нас, видимо, бесконечная полярная ночь. Север же.

Допиваю вторую чашку чая, когда слышу, как по полу шлепают босые ноги и сын что-то лопочет в поисках меня. Хочется спрятаться. Пусть ищет – вдруг, не найдя, как закричит: «Мама». Делайте вид, что не понимаете его – уговаривают нас окружающие. Польза от этого совета только одна: сын научился самостоятельно наливать себе молоко и отрезать хлеб. С тех пор муж ножи не точит – боится за сына, а может, за меня. Слишком уж беспокойно на меня поглядывает, когда я на пару секунд выпадаю из реальности с ножом в руках.

Кормлю сына манной кашей. Говорят, она не полезна, но он ее любит.

– Каша, манная. Ее делают из пшеницы. Дуй, если горячо. Да,

вот так, еще подуй. Кушай. – Я похожа на ходячий справочник, озвучивающий все свои действия. Тарелка пластиковая, красная. Футболка хлопковая, голубая. Ложка металлическая, серая. «Озвучивайте все, что делаете – и ваш ребенок заговорит в полтора года», – советуют в книгах о материнстве. Интересно, у их авторов есть дети? Больше одного, идеального? Или только я бесполезна в роли птицы-говоруна?

– Молодец, теперь бери полотенце. Вытирайся. Да, вот так. Будешь еще что-то? – Мотание головой в ответ и тихое, словно мяуканье полудохлого котенка, «неаааа». Хоть что-то. «Да» от него не услышишь, только резкий кивок.

– Тогда пойдем умываться. Открываем кран, включаем воду. Нет, слишком горячо, сейчас сделаю теплую. Смешиваем горячую и холодную воду, и получается… – пауза, – правильно, теплая.

Иногда мне кажется, что я уже сошла с ума и никаких детей у меня нет. Я просто зачем-то говорю вслух. Недавно поймала себя на том, что в магазине начала объяснять, что нам надо купить, продуктовой тележке. Не очень громко, но женщина, стоящая рядом, как-то слишком быстро отошла от меня.

Начинается стандартный день бесконечных занятий. Логомассаж языка и щек. Лекарства. Разбрасывание круп по кухне – развитие мелкой моторики. Я говорю. Он молчит. Потом тычет во все предметы: «Скажи». И я в сотый раз повторяю: холодильник, трактор, кошка, папа, микроволновка, экскаватор, корова… И так до боли в горле. Достаю очередную книжку, которая должна развить ребенка, но пока только натирает мозоль на моем языке.

– Ну, получше, конечно. Да-да, разговорится, – слышится из комнаты. Муж говорит со своей мамой. Как всегда, якобы оптимистичный. А может, и правда верит, что все будет хорошо. В конце концов, это я по ночам сначала долго отхлопываю слова для лучшего запоминания, читаю сказки и пою колыбельные, пока горло не захрипит. Массирую каждую мышцу. Молюсь. А потом рыдаю до захлебывания. Впрочем, муж зарабатывает деньги, любит сыновей до безумия и обнимает меня, когда мне это нужно. И я точно сойду с ума, если в лучшее перестанет верить и он.

– Я вчера слышал, как он сказал – один. Непонятно, конечно, но все-таки, – продолжает муж, а мне хочется чем-нибудь в него кинуть. Если бы. Вечно ему что-то слышится в бессвязном лепете.

Открываю книжку. На странице с цифрами. Наверно, чтобы потом ехидно сказать: «Ага, как же, слышал ты».

– Одын. – Слышу и замираю.

– Два. – Растерянно смотрю на сына, тычущего в цифры.

– Тиии. – Чувствую, что текут слезы. Отворачиваюсь – сын нервничает, когда я плачу. А за спиной звучит:

– Четыле. Пят. Шесь…

Пауза. И завершающим выстрелом:

– Сем!

– Макс! – кричу. – Он считает! Он вслух считает!

Тут же замолкаю. Не спугнуть бы. Вдруг это случайность, которая больше не повторится. Но сын опять повторяет: «Одын, два, тиии…». Муж приходит на слове «четыле». Я утыкаюсь в него и трясусь всем телом, не в силах сдержать рыдание. И тут звучит какое-то жалобное: «Ма-ма».

– Он ска-ка-ка… Зал. – Я заикаюсь от нервного перенапряжения. Понимая, сколько работы впереди. И все же – главный шаг мы сделали. Пусть пока и «одын».